

В этот момент Шэнь Игуан переступил порог калитки — одна нога уже была во дворе:

«.....»

Он не мог войти и не мог отступить.

Цяо Си хотелось немедленно вышвырнуть Тао Иня, но когда он повернул голову, его взгляд случайно встретился со взглядом Шэнь Игуана, который выглядел не менее неловко.

«.....»

После мгновения молчания первым отвёл взгляд Цяо Си, который всегда гордился своей толстокожестью. Он даже не знал, почему чувствует себя виноватым — он ведь тоже был здесь жертвой. Всё из-за Тао Иня, этого болтливого языка!

Но быть застигнутым тем, о ком говорил, обсуждая, большой он или нет, было поистине низко — и совершенно неприлично.

Как раз в этот момент Тао Инь наконец с опозданием уловил перемену в атмосфере и повернул голову, чтобы посмотреть.

Можно было бы ожидать, что он смутится, растеряется и в стыде убежит. Но неожиданно парень просто улыбнулся, весело помахал рукой и поприветствовал:

— Брат Шэнь, ты вернулся?

Совершенно спокойно, прямо и открыто, без тени неловкости от того, что его застали на месте преступления. Его взгляд был таким ясным и чистым, будто это Цяо Си и Шэнь Саньлан тайком занимались чем-то непристойным.

— ...Мм. — Шэнь Игуан не умел общаться с такими слишком дружелюбными людьми, и, поскольку он якобы был «близким другом» Цяо Си, он лишь холодно кивнул в ответ.

Опасаясь, что Тао Инь снова откроет рот, Шэнь Игуан быстро притворился крайне занятым. Он широким шагом прошёл мимо них прямо на задний двор и по пути подхватил Цэньэра, забрав его с собой — боясь, что тот может услышать хоть одно грязное слово.

Как только они ушли, Тао Инь хихикнул и продолжил дразнить:

— А вы чего покраснели?

— Моя мама говорит, что как бы два человека ни были незнакомы, после свадьбы, переспав несколько раз, они уже не смогут расстаться. Почему вы двое всё ещё кажетесь такими далёкими?

— Не говори мне, что он тебя в постели не укротил?

Цяо Си наконец не выдержал. Он внезапно вскочил, схватил со стола кусок свежеприготовленных жареных баклажанов с начинкой и сунул его прямо в рот Тао Иню, чтобы заткнуть его.

Застигнутый врасплох и с набитым ртом, Тао Инь даже не успел рассердиться. Аромат мяса

ударил в нос и полностью очаровал его. Он вгрызся в маслянистый баклажан и начал поглощать его, опустив голову, совершенно забыв, что собирался сказать.

Цяо Си беспомощно потёр лоб, думая — неудивительно, что семья Тао выгнала его. Этот рот никогда не замолкал — либо жуёт, либо болтает. Он был занят по хозяйству, а ему всё равно приходилось тратить энергию, слушая болтовню Тао Иня. Это выматывало, и ему хотелось только закатить глаза.

Вскоре за дверью раздался детский голос:

— Цяо-гэ.....

Услышав, что его зовут, Цяо Си вышел из кухни и увидел стоящего за дверью пухлого мальчугана. Он был низеньким и круглым, и хотя не был особенно милым, его черты были правильными, с добрым и честным выражением, которое располагало к себе. В данный момент он цеплялся за дверь и осторожно заглядывал внутрь.

Цяо Си показалось, что он узнаёт его, но он не мог сразу вспомнить, поэтому спросил:

— Ты чей ребёнок? И зачем пришёл?

Когда Цяо Си говорил нормально, он на самом деле не звучал ласково — это была просто его привычка. Он никогда ни на кого не нападал намеренно, но люди, с которыми он разговаривал, часто думали, что он недоволен, что легко приводило к недопониманию.

Увидев, как грозно выглядит Цяо Си, пухлый мальчик испугался и, запинаясь, пролепетал:

— Я-я Фу'эр из дома Ли. Я пришёл, чтобы найти Цэнь'эра. Я хочу позвать его играть.

Услышав, что это друг Цэнь'эра, который пришёл пригласить его поиграть, Цяо Си невольно смягчился. Растроганный, он улыбнулся и сказал:

— Ах, так это ты! Заходи скорее.

Когда он заговорил, он повернулся в сторону заднего двора и крикнул:

— Цэнь'эр, к тебе друг пришёл!

Цэнь'эр, который возился во дворе с генералом Цяо, услышал зов, бросил палку и побежал, шлёпая маленькими ножками. Увидев толстячка, который сидел прямо и чинно на скамейке, его глаза засияли:

— Фу-гэ!!!

Он, вероятно, не ожидал, что Фу'эр придёт искать его, и поспешно подбежал на своих коротких ножках, его щёки покраснелись, а лицо сияло от радостных улыбок.

— Хе-хе. — Фу'эр почесал затылок, и его пухлое лицо расплылось в глупой улыбке: — Я не один, ещё несколько ребят снаружи!

— Мы собирались играть вместе, но я вспомнил, что ты всегда сидишь дома один. Я боялся, что тебе будет одиноко, и хотел спросить, не хочешь ли ты пойти с нами?

Когда Цэнь'эр услышал, что они собираются выйти поиграть, он, конечно же, хотел

присоединиться и быстро закивал:

— Хочу, хочу!

— Фу-гэ такой добрый!

Эта маленькая лесть очень обрадовала Фу'эра. Он глупо сказал:

— Тогда теперь будешь держаться за мной. Я буду водить тебя играть!

Цяо Си тоже подумал, что такому ребёнку, как Цэнь'эр, не годится целыми днями сидеть взаперти дома, поэтому он обернулся, небрежно взял пригоршню только что поджаренных сахарных семечек, завернул их в ткань и сунул в руки Цэнь'эру. Он тихо сказал:

— Слушайся Фу'эра, не убегай один, будь осторожен, хорошо?

Цэнь'эр быстро кивнул:

— Мм! Я запомню!

Затем Цяо Си улыбнулся и сказал Фу'эру:

— Иди зови своих друзей снаружи, пусть заходят.

Фу'эр послушно крикнул:

— Заходите! Сегодня Цяо-гэ не ест людей!

Цяо Си: «.....»

Как же эти дети отзываются о нём за глаза?

У Фу'эра было большое влияние на детей. В следующее мгновение во двор ворвалась ватага из пяти-шести ребятшек. Самым старшим был Фу'эр, а самый младший был на полголовы ниже Цэнь'эра. Они все в один голос уставились на Цяо Си, их глаза были тёмными и круглыми, целая куча маленьких ростков.

Цяо Си был позабавлен и щедро раздал детям цукаты, арахис и вяленое мясо, а затем сказал Фу'эру:

— Мой Цэнь'эр робкий и застенчивый. Ты должен хорошо присматривать за ним, хорошо?

Фу'эр глупо улыбнулся и серьёзно похлопал себя по груди:

— Не волнуйся, Цяо-гэ, я обязательно хорошо за ним присмотрю!

Все дети получили угощения, и на их лицах расцвели улыбки. Они окружили Цэнь'эра и вместе выбежали, болтая и смеясь, пока их голоса не стихли вдалеке.

— С детьми легко, — сказал Тао Инь, смеясь и опираясь на плечо Цяо Си. — Дай им что-нибудь вкусное, скажи пару ласковых слов — и они откроют тебе свои сердца.

— Фу'эр — самый добрый и рассудительный ребёнок в нашей деревне. У него дома много младших братьев и сестёр, поэтому он умеет заботиться о других. Можешь доверить ему

Цэнь'эра.

Цяо Си кивнул.

Говоря об этом, Тао Инь вдруг стал сентиментальным:

— Так мы и познакомились тогда.

— Когда ты был маленьким, ты был ещё более робким, чем Цэнь'эр. Ты каждый день цеплялся за мамины руки и не выходил. Деревенские дети дразнили тебя, говорили, что ты такой большой, а всё ещё не отлучился от груди.

— Однажды я проходил мимо твоего дома и увидел, как ты сидишь один на маленькой скамеечке и смотришь на дверь в оцепенении.

— Я тогда даже подумал: этот маленький братец такой красивый! Если бы я был твоей матерью, я бы тоже не позволил тебе идти играть с другими озорниками — тебя бы точно обидели.

Цяо Си не смел говорить и молча выслушал его до конца.

— Затем я заманил тебя несколькими кусочками сахарных лепёшек. С того дня ты слушался только меня и ходил за мной хвостиком.

На этом месте Тао Инь остановился и с оттенком меланхолии сказал:

— Я забыл, ты ничего этого не помнишь...

Цяо Си почувствовал острую боль в сердце, словно укол иглой. Ему отчаянно хотелось утешить его, но он не знал, как к этому подступить.

Возможно, для Тао Иня он был вором, захватившим тело его лучшего друга. Если бы он узнал правду, он бы наверняка разозлился.

Они сидели в молчании мгновение, прежде чем Тао Инь снова взял себя в руки:

— Ай, в общем, всё это старое уже в прошлом. Неважно, что ты не помнишь! И вообще, что, если бы первое, что ты вспомнил, была эта стерва Сюцай Хэ?

— Так даже лучше! — Неизвестно, утешал ли он себя, но он выдавил улыбку: — Я думаю, Шэнь Саньлан отличный!

— Я это говорю не просто так, но этот ублюбок Сюцай Хэ — одни кожа да кости, глядя на него, сразу видно, что он слаб в постели! Может, он и полчаса в постели не продержится, прежде чем погаснет, как свеча. Разве это не значит, что тебе, такой молодой, пришлось бы жить как вдове?

Цяо Си: «.....»

Меланхолия и чувство вины, которые он только что испытывал, мгновенно исчезли.

Как этому человеку удаётся переключать свои эмоции так быстро, так плавно, без малейшей неловкости?

Цяо Си не осмелился позволить ему остаться дольше и кое-как выпроводил Тао Иня — который не мог произнести и трёх фраз, не сказав чего-то грубого или не упомянув своего Шань-Дагэ. В душе он чувствовал себя более вымотанным, чем если бы вспахал два ли земли. Он понятия не имел, как оригинальный владелец справлялся с кем-то, кто был буквально ходячим громкоговорителем.

Как только Тао Инь ушёл, Шэнь Игуан наконец вышел с заднего двора. Он обыскал всё в поисках Цэнь'эра и, не найдя его, спросил Цяо Си. Цяо Си сказал, что Цэнь'эр ушёл играть с деревенскими детьми.

— Так нельзя. — Шэнь Игуан выглядел заметно встревоженным и немедленно направился к выходу. — Я верну его.

В прошлый раз, когда он позволил Цэнь'эру выйти к Сяо Чжуцзы, это было только потому, что с ним был Цяо Си, и только тогда Шэнь Игуан мог чувствовать себя хоть немного спокойно. Но теперь, когда Цэнь'эр был один, он ни за что не мог на это согласиться.

Личность Цэнь'эра была слишком важна, а его характер слишком простодушен. Если бы он сболтнул что-то лишнее во время игры или если бы кто-то с дурными намерениями что-то заподозрил, последствия были бы невыносимыми.

Цяо Си увидел, что он слишком нервничает, и протянул руку, чтобы схватить его, озадаченный:

— Не слишком ли ты строг?

— Конечно, детей нужно учить и направлять, но разве ты не перегибаешь палку?

— Он просто гуляет по деревне с хорошими друзьями, а не уходит далеко. В какие такие большие неприятности он может попасть?

Шэнь Игуан был встревожен, но не мог прямо стряхнуть с себя руку Цяо Си и не мог раскрыть правду. В спешке его голос стал жёстче:

— Что ты знаешь!?

Цяо Си замер.

Это был первый раз, когда Шэнь Игуан заговорил с ним таким властным тоном.

Поэтому он холодно усмехнулся:

— Верно, я ничего не знаю.

Он быстро отпустил руку Шэнь Игуана, снова сел за стол и продолжил работать над кучей капусты, которую планировал заквасить.

В конце концов, Цэнь'эр был не его ребёнком — зачем ему вмешиваться?

Он знал, что он холоден и скуп на эмоции. Единственный раз, когда он попытался проявить доброту и сделать правильное дело, это обернулось тем, что он, нарвался на неблагодарность.

Этот скупой и мелочный вариант его самого даже притворялся щедрым, раздавая каждому ребёнку припасы, которые он копил на Новый год — только для того, чтобы завоевать их

расположение, надеясь, что они будут немного больше заботиться о Цэнь'эре.

Кто бы мог подумать, что всё это принесёт ему лишь одну фразу от опекуна ребёнка:

«Что ты знаешь».

Пошёл ты, сам виноват — подставлять тёплое лицо, чтобы получить холодный зад в ответ.

Просто доказывает, что беспричинно ввязываться в чужие дела всегда заканчивается кармой.

Цяо Си ругался про себя, даже не замечая этого. Только из-за одного не очень доброго замечания Шэнь Игуана он полностью потерял самообладание — его установка «всё вытерплю» рухнула, как гора Тай под давлением.

В тот момент, когда Шэнь Игуан выпалил эти слова, он пожалел о них. Он больше не спешил искать Цэнь'эра и вместо этого застыл на месте, совершенно растерянный, глядя на Цяо Си.

— Ты... ты злишься?

Цяо Си даже не поднял головы:

— С чего бы мне злиться?

— Я знаю, что ты хотел как лучше. — Шэнь Игуан был полон раскаяния за свои слова и искренне извинился: — Я не хотел этого говорить. Прости.

Но Цяо Си не нуждался ни в чьих извинениях. Он давно привык справляться со своими негативными эмоциями в одиночку. Сделав несколько глубоких вдохов, он наконец успокоился и легко сказал:

— Ты не неправ.

— В конце концов, Цэнь'эр твой племянник. Мне действительно не следовало принимать решения самостоятельно.

Он полностью проанализировал своё поведение — оно действительно было неуместным.

Если бы их роли поменялись, и Цэнь'эр был бы его собственным племянником, а какой-то посторонний легкомысленно отпустил бы его с кучей незнакомых детей, возможно, он бы тоже рассердился. Шэнь Игуана нельзя было винить.

Если и винить кого-то, то только себя — слишком много о себе возомнил, подумал, что раз они прожили вместе больше двух месяцев и у них появились какие-то чувства, то это даёт ему право.

Очевидно, Цяо Си больше не злился, но Шэнь Игуан всё ещё чувствовал необъяснимое беспокойство.

Он смутно чувствовал, что из-за одного проклятого предложения та близость, которую они с таким трудом выстраивали последние дни, исчезла без следа в одно мгновение.

Не имея совершенно никакого опыта в утешении людей, генерал Шэнь стоял там жалко, с полным хаосом в голове.

Что ему делать?

<http://bllate.org/book/17973/1728712>